

УДК 316.346.36

Идентификационные стратегии жителей Республики Татарстан: поколенческий аспект*

Ларионова И.В.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского
технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

В статье осуществлен качественный анализ идентификационных предпочтений жителей Республики Татарстан с учетом поколенческих особенностей, основанный на актуальных данных репрезентативного массового опроса населения Республики Татарстан и глубинных интервью.

Ключевые слова: социальная идентификация, идентификационная иерархия, идентификационные стратегии, идентификационное пространство, антропная идентичность, микросоциальная идентичность, мезосоциальная идентичность, поколение, личностная самоидентификация.

В условиях социальных трансформаций и фрагментации социальной жизни, характерных для большинства современных обществ, в том числе и российского, изменяется и личностная структура отдельных индивидов, проявляющаяся в мозаичности идентификационных полей и вариативности идентификационных стратегий личностной самоидентификации. Процессы самокатегоризации и самоопределения личности в современном социуме детерминируются как внешними социокультурными факторами, так и внутренними индивидуально-личностными особенностями.

С целью практического изучения особенностей личностной идентичности в различных возрастных когортах населения Республики Татарстан в рамках массового репрезентативного опроса ($N = 1480$ чел., сентябрь–ноябрь 2017 г.) и серии глубинных интервью ($N = 20$) нами было проведено зондирование личностной самоидентификации.

Использовался метод опроса с применением проективной методики самоописаний («Кто Я?, Кто Мы?»), а также психосемантического метода [1]. Особенность исследовательского подхода заключалась в комплексном изучении идентичности по двум аспектам: в Я–концепции и в Мы–концепции личности. В рамках нашего исследования представляла интерес проверка гипотезы о значимости поколенческой специфики идентификационных стратегий жителей РТ в современных условиях.

Анализ теорий формирования исторических поколений на основе эффекта «прерывающих перемен» применительно к российской реальности трех прошедших десятилетий показал следующее. В условиях высокоактивных социальных трансформаций возникновение новых политических, экономических и социальных образцов поведения населения за короткий исторический период способствовало формированию новых исторических поколений с соответствующими «обновленными» ориентирами и механизмами социальной идентификации. В разных поколениях россиян начали формироваться принципиально иные установки, ценности, стили жизни, не характерные для аналогичных возрастных когорт предыдущих периодов отечественной истории [2; 3].

Однако, как было установлено в предшествующих исследованиях, представители более старших поколений (от 35 лет), имеющие в большем или меньшем объеме «советское прошлое», испытывают на себе в той ли иной степени влияние социокультурных паттернов того периода [4; 5]. Молодые же татарстанцы, прошедшие период активной социализации уже в постсоветский период, более свободны в выборе идентификационных ориентиров [6].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)».

На основе анализа результатов ряда эмпирических исследований с применением качественных методов мы выделили три ключевых вектора самоидентификации россиян в современных социокультурных условиях.

1. Индивид отстраняется от социальной реальности, концентрируется на своей персоне, погружается в своё частное пространство, в котором чувствует себя увереннее и стабильнее, чем в амбивалентном социуме. Соответственно, доминирующую позицию в идентификационной иерархии приобретает персональная идентичность. Причем наряду с рефлексивным самоопределением человек может склоняться к гипертрофированной демонстрации натуралистических признаков идентификации (пол, раса, характерные черты внешности, физические особенности и т.п.).

2. Личность также старается как можно больше абстрагироваться от повседневных проблем, но в отличие от первой стратегии стремится «расширить» свои Я- и Мы-концепции посредством виртуальной идентификации как с реально существующими, так и с конструируемыми объектами. Зачастую используются трансцендентальные (прежде всего общечеловеческие) критерии идентификации.

3. Распространенный вариант позиционирования личности в условиях социальных изменений – это поиск среди первичных, контактных групп – «своих», то есть конкретной «группы поддержки», действительно близких людей (в физическом и духовном смысле). Желаемый результат – обретение своей «социальной ниши», позволяющей на основе усвоенной повседневной идеологии сконструировать устойчивую социальную идентичность [7].

Для начала необходимо представить в целом иерархию идентификационных предпочтений татарстанцев. Далее проанализируем соотношение различных видов номинаций в Я- и Мы-концепциях респондентов с целью выявления доминирующих векторов идентификационных стратегий.

Проективные вопросы «Кто Я?» и «Кто Мы?» в основном не вызвали трудностей у опрошенных в нашей региональной выборке, большинство из них смогли указать по три номинации в каждом блоке. При этом отметим, что в плане разнообразия и индивидуализации самоопределения выделяются номинации в молодых когортах (16-24 и 25-34 года). Помимо стандартизованных категорий «студент», «личность», «дочь», «мужчина», «друзья», «семья», в этих подвыборках более распространены такие персонифицированные образы: в Я-концепциях – «дитя родителей», «цветок», «альфа-самец», «босс», «Резида»; в Мы-концепциях – «дотеры», «процветающие», «автоклуб», «банд-мемберы», «соседки в общежитии» и др.

На основе данных по всей региональной выборке среди представленных в ответах жителей республи-

ки Татарстан самоидентификаций наиболее значимы следующие виды: антропная, семейная, дружеская, коллективистская, гендерная, рефлексивная. Как показывает качественный анализ полученных эмпирических данных, чувство общности для наших соотечественников связано не столько с совпадением социальных статусов, сколько с «экзистенциальной близостью», ассоциирующейся с внутренним, духовным «родством». Соответственно, ряд выявленных доминирующих Я- и Мы-номинаций в сознании респондентов интериоризируются вместе с их «малым социальным миром» и повседневными идеологиями.

Фиксируется устойчивая тенденция превалирования микросоциальных идентичностей. Особо отметим, что в Мы-концепциях респондентов этот вид номинаций составляет подавляющее большинство. Наиболее важны для респондентов первичные малые группы: семья и «ближний круг» (друзья, компания, группы единомышленников). Радует тот факт, что и в современном техногенном обществе сохраняется референтная роль коллективной общности (в основном трудового и учебного характера) – номинацию «коллеги, товарищи по работе, учебе» стабильно выбирают более половины опрошенных. Данный вывод подтверждается и материалами глубинных интервью: *«Для меня в первую очередь важно, чтобы у меня был мир в семье, мир в моей стране, и чтобы было достаточно пенсионное обеспечение, чтобы я могла себе позволить какие-то культурные развлечения, чтобы я могла куда-то ездить, то есть социальное обеспечение, и чтобы все были здоровы»* (жен., 65 лет).

Вторую ранговую позицию в идентификационной иерархии по нашей региональной выборке занимает антропная идентичность. Она выражена весьма абстрактными категориями: «человек», «индивид», «личность», «хомо сапиенс», «гражданин мира» и т.п. На наш взгляд, они демонстрируют другой полюс личностных категоризаций россиян – их глобальное расширение и трансцендентальный характер. Соответствующий обобщенный вид идентичности характерен для представителей всех поколений респондентов. Однако в двух молодежных когортах (16-24 и 25-34 года) указанные номинации значительно чаще стоят на первых местах иерархии. Подобные оценки давали и молодые информанты в ходе интервью: *«Когда меня спрашивают, как я могу ответить на вопрос “Кто мы?”, меня это удивляет немного. Как это кто? Мы все – люди. В первую очередь люди. Это нас и объединяет. А уже потом вспоминаешь, ну еще мы студенты, россияне, еще кто-то там. Но это уже все вторично. Важно самое первое – люди»* (муж., 19 лет).

В тройке лидеров по частоте упоминаний также были зафиксированы различные номинации, соответствующие гендерной идентичности: «девушка»,

«женщина», «парень», «мужчина», «мужик» и др. Причем здесь можно отметить явные поколенческие различия: частотность данных самоописаний максимальна в молодых когортах (16-24 и 25-34 года) и заметно снижается с увеличением возраста респондентов. В двух когортах старшего возрастного диапазона (55-64 года и 65 лет и старше) гендерные номинации выявлены лишь у небольшого количества татарстанцев. При этом в указанных подвыборках старшего возраста наблюдается значительное число самоопределений «пенсионер, пенсионерка», «работающий пенсионер» и т.п., фиксирующих интериоризацию актуальных социальных статусов представителями данного поколения.

Выделена еще одна характерная особенность самоидентификации среди молодых респондентов. На второй – третьей ранговой позиции у большинства из них выступают рефлексивные самоопределения, обозначающие конкретные социально-психологические характеристики, мировоззренческие черты, особенности стиля жизни, а также «межличностные роли», которые респонденты играют в обыденной жизни (например, «скептик», «гений», «мамина радость», «красивая», «водолей», «плейбой», «курочка-наседка»). Встречались такие характеристики и в интервью: *«Как я отвечу на вопрос “Кто мы?” Ну, наверное, спортсмены, с которыми я общаюсь, с которыми я начал заниматься спортом, к ним я могу отнести себя. Не сказать, что я прям отчаянный спортсмен, но это мой сложившийся круг общения, мои друзья»* (муж., 27 лет).

Следующую группу иерархии составил ряд номинаций, которые оказались не столь значительными, но тем не менее набрали в целом по выборке от 10 до 20 %. Они соответствуют мезо- и макро-социальным идентичностям. Именно они демонстрируют наибольшее снижение частоты упоминаний по сравнению с предыдущими аналогичными исследованиями [8; 9]. Можно предположить, что данная группа номинаций отражает ряд социальных идентичностей, актуализированных в период постсоветских трансформаций: этническая («люди моей национальности», «татарин», «русская» и др.), конфессиональная («люди одной веры», «мусульманин», «православные» и др.), территориально-поселенческая («казанцы», «односельчане», «горожане» и др.), общенационально-гражданская и региональная («гражданин РФ», «россияне», «Татарстан» и др.). Причем такие характеристики присущи представителям как старшего, так и молодого поколений: *«Мы, тут я могу сказать однозначно, – татары»* (жен., 18 лет); *«Ну, для меня очень важно, что я чувствую себя частью татарского народа, вот про татар я могу сказать – это мы»* (жен., 47 лет).

Выделим еще ряд отличий в идентификационных предпочтениях татарстанцев на основе сравнительного анализа их Я- и Мы-самоописаний.

1. Микросоциальные идентичности, отражающие семейные роли, представлены на первых позициях как в Я-, так и в Мы-номинациях респондентов.

2. Также относящиеся к микросоциальным, дружеские и коллективистские общности доминируют в самоописаниях «Кто Мы?» и практически отсутствуют в Я-концепциях.

3. При этом различные вариации антропной, гендерной и рефлексивной идентичностей характерны именно для Я-концепций участников опроса.

Подводя итоги, стоит отметить следующее. Среди идентификационных предпочтений татарстанцев, относящихся к разным поколениям, сохраняется доминирование самоидентификаций микросоциального уровня. Они полностью отражают адаптивно-защитную функцию процесса личностной идентификации в современных условиях. Микросоциальные идентичности формируются на ценностной базе межличностных отношений и духовной близости в рамках контактных групп «ближнего круга» (семья, друзья, коллеги, товарищи по работе, учебе, единомышленники в малых группах по интересам).

Мезосоциальные и макросоциальные идентичности, формирующиеся у индивидов, как правило, на базе конструируемых символических общностей, номинальных или виртуальных групп (поколенческих, профессионально-корпоративных, этнических, конфессиональных, общенационально-гражданских, региональных и т.д.), откликаются в значительно меньшей степени в Я- и Мы-концепциях современных татарстанцев. Отличительной особенностью является также незначительная доля негативных идентичностей и очень редкое проявление механизма идентификации от противного.

Литература:

1. Albarello I. Pratiques et methodes de recherche en sciences sociales. – Paris: Armand Colin, 2001. – P. 47-86.
2. Иванова Е.И. Новые тенденции в процессе формирования семьи: молодые поколения в меняющейся России // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. Вып. XIII. – М.: МОНФ, 2000. – С. 17-31.

3. Максимова О.А. Стиль жизни российского студенчества периода трансформации общества (на материале Республики Татарстан): дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 1999. – 116 с.
4. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 16-22.
5. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
6. Ларионова И.В., Максимова О.А. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 275-278.
7. Ларионова И.В. Социокультурная идентификация личности в контексте общества модерна и постмодерна // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 313-315.
8. Ларионова И.В. Этническая и гражданская самоидентификация поколений в Республике Татарстан // Вестник КГТУ им. Туполева. – 2013. – № 2-2. – С. 257-260.
9. Макарова Г.И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики: дис. ... докт. социол. наук. – Саранск, 2012. – 437 с.

The Identification Strategies of the Residents of the Republic of Tatarstan: a Generational Aspect

I.V. Larionova

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

The paper presents the qualitative analysis of the identification preferences of the residents of the Republic of Tatarstan in a generational perspective. The analysis was based on actual data of the representative mass survey among the population of the Republic of Tatarstan.

Key words: social identity, identification hierarchy, identification strategies, identification space, anthropic identity, micro-social identity, meso-social identity, generation, personal self-identification.

